

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К60

Любое использование материала данной книги,  
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Серия «Мальчики да девочки. Проза Елены Колиной»*

Оформление переплета — *Е. Ферез*

Иллюстрация на переплете — *Анка Журавлева*

Издательство благодарит литературное агентство  
«Аmapola Book» за содействие в приобретении прав.  
[http:// amapolabook.com /](http://amapolabook.com/)

### **Колина, Елена**

**К60** Я не ангел: [роман] / Елена Колина. — Москва,  
Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Мальчики да  
девочки. Проза Елены Колиной).  
ISBN 978-5-17-117459-0

У амбициозной Беаты, современной Бекки Шарп, нет ничего, кроме ума, обаяния, артистизма и яркой внешности. У Эммы, доброй и нежной, избалованной благополучием и любовью, есть все. Ради удачного замужества, больших денег и положения расчетливая интриганка Беата готова на любые уловки, хитрости и обман. И вот маленькая авантюристка уже на вершине — она вот-вот всего добьется, ура! — но все ее тщеславные надежды рушатся, и остается только вниз кувырком. Столько стараний и выдумки, эгоизма и изворотливости — и полный крах!.. Контрастные характеры и судьбы Беаты и Эммы дают нам повод задуматься — не только ли случаем определяется разница между тщеславием и наивным идеализмом. А самое интересное — что мы обо всем этом думаем, сочувствуем и желаем победы, осуждаем, восхищаемся или презираем. И конечно, каждая из нас найдет в себе черты обеих героинь этой современной версии знаменитого романа «Ярмарка тщеславия».

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е. Колина, 2020  
Все права защищены  
© ООО «Издательство АСТ», 2020

## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Прошлой осенью на встрече с читателями меня попросили написать современную версию классического романа, и я послушно написала камерную историю по мотивам романа Теккерея «Ярмарка тщеславия», героиня которого, «тщеславная авантюристка» Бекки Шарп стала символом беззастенчивого корыстолюбия и цинизма. Но каковы ее «личностные качества» на современном языке: острый ум, амбициозность, упорство в достижении цели, позитивный взгляд на жизнь, виртуозное владение техниками общения. Звучит, будто резюме выпускницы престижной школы менеджмента. Прибавим к этому женское очарование и твердое решение «я никогда не буду голодать» — да она же героиня нашего времени! А ее подруга, нежная Эмилия (кроткий нрав, доброта, полное неумение ориентироваться в жизни), кто она по современным понятиям, беспомощная дурочка? Обе героини — мои, не Теккерея — делают то, что велит им автор, то есть я, а потом живут и делают, что хотят.

Фраза «Я не ангел» звучит в книге только раз, и произносит ее не «Бекки Шарп», а самый положительный персонаж, буквально чистый ангел. «Я бы никогда не сделал никому ничего конкретно плохого, но намерения бывают... м-м разные... и мысли». Если даже он не ангел, то что же говорить о других, о нас с вами?

Мне было интересно в большей степени не то, как действуют, что делают, а о чем думают: со времен Бекки Шарп звучат все те же слова: «завещание», «я хочу обеспечить свое будущее», но теперь персонажи вместе с нами как бы получили право иметь психологические проблемы, кто-то толстый страдает от того, что он другой, у кого-то детская психологическая травма, и даже самого «плохого» кто-то любит.

И да, конечно, все совпадения случайны. Психологические травмы и комплексы, интриги и мотивы — все придумано, прототипов нет, а если кто-то захочет усмотреть в некоторых ситуациях сходство с реальностью, то пусть имеет в виду: это лишь потому, что люди часто не только действуют, но и думают одинаково, к примеру: «Как он мог!», или: «Мне нужна уверенность в завтрашнем дне», или: «Я так и знал, она просто дрянь». В каждой из нас, даже самой «плохой», есть что-то от нежной Эмилии, и в каждой, даже самой «хорошей», есть частичка Бекки Шарп. Поэтому еще раз — все совпадения случайны.

...Может быть, и некрасивое побуждение,  
но вполне естественное. Я не ангел.

*Бекки Шарп*  
(У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»)



*Глава первая*  
**ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ,  
1989 ГОД**

**Беата, Париж стоит мессы**

Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни.

*А. П. Чехов*

Детство Беаты прошло в интеллигентной семье...

*Из статьи в «желтой» прессе*

Девочке было восемнадцать, мама называла ее «глупые сиськи», а в хорошем настроении «пупс». На пупса девочка откликалась иронически — «спасибо за сладостные секунды», имея в виду, что хорошее настроение случается у мамы нечасто. На «глупые сиськи» не обижалась: третий номер лифчика — это объективная реальность, данная в ощущениях; а на пупса обижалась: «пупс» —

это субъективное оценочное суждение. Мама могла бы не намекать на то, что она и сама видела в зеркале: крепкая фигурка с детским жирком на талии, рыжие кудри, пухлые щеки, если из всего этого вычесть грудь, — вылитый целлулоидный пупс.

Когда мама хотела ее обидеть, девочка не обижалась и, напротив, обижалась на, казалось бы, необходимые вещи, но все их общение было сплошным несовпадением, даже за столом они всегда сидели друг напротив друга в несовпадающих позах — мама наклонялась вперед, будто идет на нее войной, а девочка сидела бочком, смотрела в сторону, изредка безнадежно повторяя «мам, ну мам...». Безнадежно в смысле без надежды, что мама ее услышит.

Вот папа ее слышал, пока был ее папой. Папа звал девочку девчонкой-печенкой, не полезной ненавистной печенкой в сметанном соусе, а печонкой, только что испеченной булочкой, свежей, пышной, сладкой. Девочка иногда мысленно произносила его слова «давай-давай, дефчонка-печонка!» в сложных жизненных ситуациях, когда возникала необходимость себя подбодрить, заставить прыгнуть через препятствие (в переносном, конечно, смысле, она же не лошадь).

На девочке была шляпка. Красная войлочная шляпочка была пришпандорена булавкой к рыжеватым кудрям не просто так, а концептуально: сообщала миру, что хозяйка шляпочки — ого-го, хозяйку отличает независимость и воля к победе, а на тусклую ленинградскую толпу хозяйке наплевать. Мама связала девочке шапку с отворотом, самой девочке хотелось носить мужскую черную шляпу с большими полями, но это было бы слишком эпатажно и богемно. Так что красная шляпочка, будучи компромиссом между богемностью и стеснительностью, в полной мере выражала робость девочки перед столицей.

Хозяйка шляпочки и чрезвычайно пышной груди была совсем юная, почти ребенок. Прохожие обращались к ней «Красная Шапочка», — «Красная Шапочка, как пройти на Невский?», и никогда «Невероятная, оригинальная, неповторимая, не как все, как пройти на Невский?». Девочка упрямо ходила в красной шляпке: если она не может быть хорошо одета, то пусть хотя бы отличается от других.

Зимой отличаться от других было трудней, чем летом. Летом не видно, что ты плохо одета, джинсы есть джинсы, а вот жалкую курточку никто не спутает с шубой. Девочка не мечтала о шубе, как не



мечтаешь о луне с неба. Мечтой было прийти в шубе и небрежно бросить ее на пол.

У девочки была не только большая грудь и красная шляпочка, у нее были правила жизни. Вот такие:

— Если приходишь в гости в шубе, не требовать, чтобы шубу почетно повесили на вешалку, а небрежно бросить, как будто для нее эта шуба — ничего особенного.

— Вести себя так, чтобы люди думали: для нее все, буквально все — ничего особенного.

— Если у нее чего-то нет, то делать вид, что и не надо, а самой добиваться, чтобы было.

— Зарабатывать своим трудом на хорошую жизнь. Для этого учиться, чтобы потом зарабатывать.

— Думать о завтрашнем дне, чтобы не стать в старости нищей. Всегда думать о завтрашнем дне! Самое страшное — стать в старости нищей.

— Делать вид, как будто все хорошо. Если захочется понуть и пожаловаться, ныть и жаловаться самой себе.

— Помнить, что сумка и обувь важнее одежды. Можно обойтись без всего, даже без пальто и трусов. Но нужна дорогая обувь и фирменная сумка, чем жить без фирменной сумки, лучше не жить вовсе.

— Обойти мелкое и призрачное, что мешает быть свободной и счастливой.

Последнее правило было придумано не ею, это была цитата: «Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, — вот цель и смысл нашей жизни» (Чехов). Девочка присвоила эти слова и повторяла, как заклинание: «Обойти все, что мешает быть счастливой, — это цель и смысл моей жизни». Обойти в переносном смысле и в прямом, когда надо обойти страшные дворы, чтобы найти нужную квартиру. Номера квартир часто перепутаны, попробуй найти квартиру 5, если на первом этаже квартира 18, а квартира 5 почему-то на третьем... «Логика в этом городе есть?!» — возмущалась девочка. Вместо корзинки у Красной шапочки была синяя почтовая сумка. Она разносила телеграммы.

Звонила в дверь и на вопрос «кто там?» отвечала звонко: «Ленинградский почтальон». Или, как в школе, «полным ответом»: «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? Это он, это он, ленинградский почтальон». Иногда отвечала: «Вот вам телеграмма от гиппопотама», а иногда, назначая себя разными зверями, в конце фразы рявкала: «Гав!», или вкрадчиво шелестела: «Мя-ау», или ры-

чала: «Р-р-р». Однажды на вопрос «кто там?» сказала: «Я вернулась в мой город, знакомый до слез...», а из-за двери, не замешкавшись ни на секунду, деловито уточнили: «До прожилок, до детских припухлых желез?», и она подумала, какие тут, в Ленинграде, культурные люди, любящие стихи и пошутить. Однажды, совсем расшалившись, на вопрос «кто там?» ответила: «А там кто?» За дверью долго ошарашенно молчали. Но никто на нее не жаловался, не раздражался, напротив, смеялись и приглашали выпить чаю, такая она была милая в своей красной шляпке, с рыжими кудрями и зелеными глазищами.

Конечно, прежде чем так развлекаться, девочка заглядывала в телеграммы: если в черных строчках мелькало «заболел», «в больнице» или «умер», «похороны», то не мяукала и не рычала, а сухо требовала расписаться. И мгновенно скатывалась вниз по лестнице — пусть человек переживает свое горе без нее. Она тут не посланец судьбы, не утешитель, она зарабатывает на сумочку Версаче. Поддельную, конечно, на настоящую почтальоном не заработать, но настоящую она тоже обязательно когда-нибудь купит. Когда-нибудь у нее будет не только Версаче, у нее будет Гуччи, и Луи Виттон, и... у нее будет специальная комната для сумочек!

Разносить телеграммы было не скучно: во-первых, она сама себя веселила, а во-вторых, ходить по дворам было очень страшно, а когда страшно, то уже не скучно. Особенно страшно было в извилистых вторых дворах, она столкнулась с этой неприятной ленинградской особенностью: вот дом, вот двор-колодец, казалось бы, что еще... Но двор оказывается первым двором, а за ним есть еще второй двор и часто третий...

В первом дворе было страшновато, но еще можно было ожидать, что тебя спасут, а дальше — уже нет. Если, к примеру, из первого двора через темную подворотню пройти во второй двор, и там, за углом, в тупичке, третий двор, а в третьем дворе невидимая ниоткуда маленькая железная дверь под козырьком с номерами квартир... Если на нее нападут, кто увидит, кто услышит ее крик? Никто. ...Да она и кричать-то не сможет, молча описается от страха, и... и все. Однажды (не в таком страшном углу, а просто на улице, посреди людского потока) кто-то сзади вдруг продышал подлым шепотком ей в шею: «Красная Шапочка, зачем тебе такие большие сиськи?», и ее тут же бросило в жар, тисками сжало голову, по джинсам к коленкам потекла тоненькая струйка. А ведь она думала — вдруг ей повезло,